

● «КОГДА Я БЫЛ ТИНЭЙДЖЕРОМ»

Моск. комсомолец. — 1992. — 13 авг.

«НЕ ХОЧЕТСЯ ВЫСТУПАТЬ В РОЛИ ДЕДУШКИ ЛЕНИНА», —

говорит Андрей Макаревич

«Все взрослые были сначала детьми, только мало кто из них помнит об этом», — писал в свое время Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». И действительно, как часто мы, взрослые, забываем о тех временах, когда мы были тинэйджерами, хотя для каждого такие воспоминания — это ностальгия по ушедшим навсегда временам. Это и натолкнуло нас на мысль попросить рассказать о своих юных годах разных интересных взрослых: людей искусства, политиков, ученых, спортсменов; тех, кто сейчас на виду. И первым из них стал организатор и вдохновитель группы «Машина времени» Андрей Макаревич, совершенно случайно зашедший в редакцию в тот день, когда родилась идея рубрики «Когда я был тинэйджером».

— Андрей, а кто, по-твоему, нынешние тинэйджеры?

— Если говорить о возрасте, то это 14—18-летние молодые люди, а если вкладывать в это понятие что-то еще (правда, я не уверен, что это нужно делать), то это, видимо, среднего, массового интеллектуального уровня молодежь, не вундеркинды, но и не дебилы.

— А ты тоже был тиней?

— Конечно.

— Когда ты был маленьким, родители отдали тебя в музыкальную школу. Ты долго там учился?

— Только во втором и третьем классах.

— И тебе это нравилось?

— Это было чудовищно.

— А вот английский, как я слышал, ты изучал охотно...

— В первую очередь потому, что было интересно. К тому же я до школы немножко занимался с преподавательницей, так что чуть-чуть знал его. А потом мне, видимо, понравилось такое состояние, когда знаешь больше своих одноклассников. А еще позже я узнал, что Джон Леннон разговаривает тоже по-английски...

— Часто ли в школьные годы в твоих дневнике появлялись замечания?

— Достаточно часто.

— Какого рода?

— «На уроках ничего не делает», «Ба-

рабанит по портфелю или смотрит в окно». Кстати, у моего портфеля благодаря металлическим замкам был звук, как у приличного ведущего барабана, так что играть на нем «про себя» «Битлз» было одно удовольствие.

— А в каком возрасте и каким образом ты услышал рок?

— Когда услышал, вспомнить трудно, но понравилась мне эта музыка в восьмом классе.

— Советская эстрада тех лет тебе нравилась или ты был «западником»?

— Я относился к ней достаточно спокойно. Что-то мне нравилось, как, например, Эдита Пьеха с ансамблем «Дружба» или квартет «Аккорд».

— У меня создается впечатление, что сейчас песни тех лет импонируют тебе больше...

— Сейчас они имеют совсем другую окраску. Это ностальгия с запахом всего того прошлого, что нас окружало...

— А ты не помнишь, как вступал в комсомол?

— Сам процесс помню очень смутно. Я был младшим в классе, и поэтому, когда вступала основная масса, был лишен этого права. Приняли меня спустя полгода, и было это довольно унижительно.

— Ты был общественником?

— Нет, пожалуй. Я пользовался, даже злоупотреблял тем, что умел рисовать, а ведь в каждом классе нужны были стенгазеты, плакаты и прочее. Так что с помощью рисования я разделялся и с «общественными нагрузками», и с нелюбимыми предметами.

— Какими именно?

— Я не любил химию и математику, не очень любил историю. Вот, пожалуй, и все.

— Ты учился хорошо?

— По-разному, но не особенно плохо.

— А родители тебя ругали за плохие оценки?

— Может быть, только в младших классах.

— Как они отнеслись к тому, что ты создал свою группу?

— Замечательно. Они ведь пытались заставить меня ходить в музыкальную школу, но безуспешно. Уже было махнули на все рукой, как вдруг я сам стал заниматься музыкой, правда, несколько иной, но все же музыкой. И мне всячески помогали, даже первую гитару мы с отцом выпиливали вместе.

— А школьные власти как отнеслись к «Машине»?

— По-разному, но в общем благожелательно. Одни учителя просто хорошо, другие с любопытством. Тенденции к тому, чтобы запретить, тогда еще не было, никто еще не понимал, что это «чуждое» искусство.

— Но коротко постричь вас пытались?

— Да, мы ходили стриженными по-битловски, но в школу пришла новая директриса и потребовала «аккуратных причесок», отправив нас стричься. Ну а мы в знак протеста взяли и постриглись наголо.

— Ну и как ты выглядел?

— Так себе физиономия...

— Андрей, твое поступление в архитектурный институт было связано с семейными традициями? Ты видел себя архитектором?

— Я видел себя художником. А что касается архитектуры, то я часто бывал на работе у отца, видел, как он трудится над проектами, мне это нравилось. Когда он работал дома, я даже ему помогал.

— Когда появилась «Машина времени», у вас было много почитателей?

— Сначала их не было вообще, откуда им, собственно, взяться? Тот, кто интересовался нами, просто приходил, брал гитары, пытался играть...

— Ну а первые поклонники когда появились?

— Значительно позже, году в семьдесят первом.

— А ты когда-нибудь писал музыку в расчете на тинэйджеров?

— Никогда, разве что в те времена, когда был сам в таком возрасте. Не знаю, достоинство это или недостаток, но мы вообще никогда не рассчитываем на свою аудиторию, а делаем то, что нам нравится.

— Когда ты первый раз попробовал алкоголь и как тебе это понравилось?

— Классе в девятом. Не понравилось совсем.

— Тогда у школьников был в моде портвейн?

— Да. Кстати, в этом смысле я был в нашей команде отстающим, не пил, не курил и девушками не интересовался, что, по мнению друзей, сильно разрушало рок-н-рольный имидж. Так что Сергей

Кавагоз повел меня в воспитательных целях в кафе-мороженое и заставил с ним выпить портвейна. Помню, после этого я очень страдал, зато дальше все пошло как по маслу.

— А в те времена, когда ты был юн, ты интересовался политикой? Как ты относился к политическим деятелям?

— Никак. Все воспринималось как какая-то данность, как погода за окном. Разве что вызывали ответную реакцию идиотские пропагандистские лозунги, которыми все было переполнено. Мы делали на них какие-то пародии, рассказывали анекдоты. А к правителям относились, ну как к горам. Стоят себе горы и стоят, можно по их поводу пошутить иногда...

— Хочется оторвать для «Тинэйджера» немного хлеба у «Звуковой дорожки». Какие самые последние новости в «Машине»?

— Сейчас уже лучше. Дело в том, что последний год, даже полтора мы провели весьма странно, не имея ни базы для репетиций, ни аппаратуры. И неправы те, кто думает, что уж у «Машины времени» — то есть свой центр с золотыми колоннами, собственный зал, трейлеры и прочее. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, и я думаю, что к осени мы какой-то минимум себе создадим.

Еще мы готовим новую пластинку, а я параллельно пишу музыку и песни к фильму «Ангелы в раю», который ставит Евгений Лунгин.

— О чем фильм?

— Как раз о тинэйджерах, только не нынешних, а эпохи Леонида Ильича, Афганистана. И мне интересно писать туда песни потому, что я все это хорошо помню.

— Что бы ты мог посоветовать нынешним тинэйджерам?

— Ничего. Во-первых, мне не хочется выступать в роли эдакого «дедушки Ленина», дающего наставления молодым, мы ведь не можем смотреть с ними на мир одинаковыми глазами. А во-вторых, я надеюсь, что у них есть свои головы на плечах...

Андрея МАКАРЕВИЧА расспрашивал
Алексей БОГОМОЛОВ.